

Обыкновенный классик

Михаилу Швейцеру — 80

Сознание того, что эти строчки может прочесть Михал Абрамыч, сильно осложняет задачу. Все дело в комплексе. Он выработался у меня уже давно. Больше двадцати лет назад. Почти сразу же, как мы познакомились, начали работать вместе. "Комплекс Швейцера". Другие с годами проходят, исчезают бесследно, а этот — нет. Снимаешь что или, не приведи Господь, напишешь — сама вероятность, что это может попасться на глаза Швейцеру (Швейцеры — это значит Михаил Абрамович Швейцер и Софья Абрамовна Милькина), не раз омрачала мне праздники премьер и банкетов и в то же время удерживала (к сожалению, не всегда) от шагов, за которые потом было бы стыдно. Зато этот комплекс не дал развиться другому, типично операторскому: "Ишачишь тут, упираешься, а вся слава и деньги — ему, режиссеру. А я чем хуже? Пора менять профессию". Когда работаешь с Швейцером, такие мысли в голову не приходят, не отвлекают от дела. Мне не понадобилось много времени, чтобы понять: так я не могу. И не смогу никогда. Как говорил один умный человек, "языков я не знаю".

Михал Абрамыч не завистлив и не тщеславен. Его не слишком волнует, что говорят или пишут о нем, о его работах. Всех строже оценить умеет он свой труд. Тут все дело в компании. А она у Швейцеров сложившаяся. Как ни зайдешь к ним — одни и те же лица: Александр Сергеевич, Лев Николаевич, Николай Васильевич, Федор Михайлович, Владимир Владимирович (Маяковский, разумеется), то по одному, а то и все вместе собираются. На самом деле круг шире, но ненамного. В этом общении и критерии вырабатываются соответствующие. И планка устанавливается на соответствующей высоте. Поэтому Швейцера никто никогда не видел надутым, важным. Его авторы ему этого не позволяют.

Вообще, что такое режиссер?

Как несколькими словами определить это понятие? Замучаешься формулировать. Для меня же ответ ясен и прост: режиссер — это Швейцер. Хотя внешне он на настоящего кинорежиссера мало похож. Невозможно представить Михал Абрамыча, например, в длинном кашемировом пальто, с шарфиком, небрежно обернутым вокруг шеи. И режиссер-барин — персональная машина, персональный стул, персональный холуй — это тоже не про него. К нему вообще не прилипают какие-либо внешние корпоративные признаки. Швейцер и униформа — "две вещи несоместные". Он всегда сам по себе. И всегда абсолютно естествен. Постороннему человеку, случайно попавшему к нему на съемочную площадку, сразу и не понять, что же тут самый главный, самый режиссер, перед которым положено трепетать. Честно говоря, перед Швейцером никто никогда и не трепетал. И если бы не Софья Абрамовна, то вся группа с превеликим удовольствием села бы ему на шею. Такой милый, добрый, интеллигентный, во всякое положение войти может. Софья Абрамовна на работе в положения редко входила. Она требовала. Заставляла работать не как-нибудь, авось проскочит, а с полной отдачей. Это касалось всех членов съемочной группы и режиссера-постановщика в том числе. Так они и работали. Две половинки абсолютно гармоничного целого. Уже два с лишним года, как Софья Абрамовна умерла. Швейцер кино не снимает. Вроде как денег не дают. Я думаю, что если б очень захотел, то нашел бы: Швейцер все-таки. Просто один снимать он не может. Не умеет. И, главное, не хочет.

С Михал Абрамычем замечательно выпивать (умение выпить тоже входит в профессию кинорежиссера). Выпить он может много (пьет только водку) и при этом почти не меняется. Только оптимизму слегка добавляется и желания об-

щаться. Никогда не забуду, как мы выбирали натуру по "Маленьким трагедиям". Зачуханные номера второсортных гостиниц. Столик, покрытый газеткой, а раз газетка, то и натюрморт соответствующий (это уже вопрос стиля, к стилю Михал Абрамыч относится требовательно): какой-нибудь толстолобик в томате, селедочка, лучок, соленый огурчик. Под это дело — разговоры о картине. И не только о картине. Швейцер, если в ударе, — рассказчик удивительный. И стихи. Поэзия для него — часть существования. Стихов знает очень много и прекрасно читает. Тогда ночью, в Каунасе, он читал Маяковского, Багрицкого... "Человек предместья"...

*А все для того, чтобы в предместье
Углами укладывались столбы,
Чтоб шкаф, покружившись,
Застрел на месте,
Чтоб дым, завертясь,
Попел из трубы.*

Почему-то именно это четверостишие запомнилось сразу и навсегда вместе со швейцеровской интонацией. И рука, согнутая в локте и сжатая в кулак. Резкий, короткий взмах, и остановка — это когда шкаф застрел на месте.

А как Швейцер показывает актерам, что и как надо играть! Не могу себе простить, что не снял ни одной его репетиции. Особенно его показы Скупого из тех же "Маленьких трагедий". Смоктуновский смотрел и слушал, как завороченный. Не стеснялся, запоминал интонации, пытался повторить, просил показать еще. Было понятно, что лучше это сыграть нельзя. Иннокентий Михайлович никогда и не скрывал, что в этой роли, как школьник, с восхищением повторял Швейцера.

А вот когда возникла необходимость сняться самому, самому поработать артистом, Михал Абрамыч не решился, отказался... Прошлой весной мы совсем уж было приступили к работе над маленьким, пятнадцатиминутным фильмом, посвященным Софье Абрамовне (сценарий опубликован в газете "Экран и сцена"). Весь фильм должен был строиться как монолог Михал Абрамыча, обращение к самым близким людям, друзьям, которых уже нет в живых. Решили снять пробу. Проба как проба — чисто техническое дело: примерялись, как лучше. В кепочке, без кепочки. Бритым, с небритостью. Пообщее, покрупнее. Записали кусочки текста... Через несколько дней Михал Абрамыч позвонил и сказал, что снимать фильм мы не будем, потому что этот артист ему категорически не нравится, что снимать его (себя то есть) он не хочет... А жаль. Проба была замечательная.

Михаил АГРАНОВИЧ,
кинооператор

М.Швейцер (справа) и М.Агранович

Фото ЕКОЧЕКОВА